

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВОЛНИК ЖЕНЩИН

*Браки совершаются
на небесах*

Елена Арсеньева
Золушка ждет принца
(Софья-Екатерина II
Алексеевна и Петр III)
Серия «Браки совершаются на небесах»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138453
Арсеньева Е. Заморская невеста: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12161-7

Аннотация

Издавна правители государств искали себе невест вдали от родных земель. Не исключением были и русские правители. Первый, кто выбрал себе заморскую невесту, был Владимир Креститель. С тех пор это вошло в обычай: и чужих красавиц привозили на Русь, и своих отдавали в жены другим государям... Браки, говорят, совершаются на небесах. Поистине только на небеса и приходилось уповать будущим супругам, которые в лучшем случае видели лишь портреты друг друга, а вообще-то познакомились накануне венчания. О том, как сложились браки Анны Ярославовны и короля Генриха I Французского, Софьи-Екатерины II и Петра III, а также других венценосных особ, читайте в новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Золушка ждет принца	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Золушка ждет принца (Софья-Екатерина II Алексеевна и Петр III)

Золушка лежала в постели и нетерпеливо смотрела на дверь. Мерцала, оплывая, свеча в ночнике.

Золушка ждала принца.

Придет он? Или нет?

Ох, хорошо, кабы не пришел...

«Нет, нет, – тут же отреклась Золушка от собственного малодушия, – что я такое говорю? Пусть он придет. Пусть придет, и пусть все наконец случится. Ничего, я это вытерплю. Я уже столько терпела, что как-нибудь справлюсь и с этим. Не знаю как, но справлюсь. Я должна. Я должна! Только бы он пришел!»

Вспомнилась последняя ночь, которую принц провел в ее постели. У Золушки страшно болела голова – до такой степени, что пришлось раньше времени встать от ужина, извиниться, сославшись на нездоровье, и уйти в свои покои. Принц на это почти не обратил внимания: он был занят флиртом с герцогиней Курляндской. Оскорбленная тем, что это безразличие к ней мужа всеми замечено, что ее жалеют, Золушка упала на постель и расплакалась. Она была горда и не могла выносить чужой, обидной жалости, в которой – она

это знала совершенно точно! – всегда было немало тайного злорадства.

Она плакала, пока не уснула. Но стоило ей успокоиться и забыться, как появился принц. Он немедленно разбудил жену, однако вовсе не потому, что решил справиться о ее самочувствии. На это ему было совершенно наплевать! Ему очень хотелось поговорить о герцогине Курляндской. Главным достоинством ее в глазах принца было то, что она была дочерью не русских родителей и говорила только по-немецки.

«Уродина! – мстительно подумала Золушка. – Глупая уродина!»

Правда, у герцогини были довольно красивые глаза и волосы яркого каштанового цвета, однако эти достоинства не затмевали, а, напротив, подчеркивали ее недостатки. Она была низкоросла и мало сказать что кривобока. Герцогиня Курляндская была горбата! Однако это отнюдь не охлаждало принца. Он вообще предпочитал уродливых женщин, подобно своему дальнему родственнику, шведскому королю, который, как рассказывали, не имел ни одной любовницы, которая не была бы либо горбата, либо крива, либо хрома.

Золушка терпела влюбленный лепет супруга сколько могла. Но когда он завел речь о том, что с такой женщиной, как горбатая герцогиня, он мог бы быть истинно счастлив, она едва не умерла от злости.

«Ты мог бы быть счастлив? – с ненавистью думала Золушка. – Как, скажи на милость, ты можешь быть счастлив с жен-

щиной, если ты не в силах сделать счастливой меня? Что бы ты делал, оказавшись в одной постели с твоей ненаглядной уродиной? Тискал бы ее горб, только и всего? Да если бы она узнала о тебе то, что знаю я... Ты ведь не мужчина! Ты несчастный, глупый, злобный венценосный урод, а не мужчина!»

Разумеется, у нее хватило ума не выпалить это в лицо принцу. С тех пор как Золушка сделалась его женой, она много чему научилась, и прежде всего – вовремя промолчать. Поэтому она только зевнула нарочито и сделала вид, что засыпает.

Принц оскорбился. Эта невзрачная дурочка – он привык называть жену дурочкой, а красивой не считал ее никогда, ну разве что в юности по глупости, когда еще был ее женихом, – осмеливается отнестись пренебрежительно к его тайным, сокровенным признаниям?! Он злобно ткнул Золушку локтем в бок – несколько раз, да так сильно, что у нее дух занялся. Потом принц повернулся к ней спиной и, сердито посопев, заснул. А она давилась слезами всю ночь, стараясь не всхлипывать громко – не потому, что опасалась разбудить мужа: когда он засыпал, его нельзя было разбудить даже звонком колоколов или стрельбой из пушек, а не только такой малостью, как женские слезы! – а потому, что могли услышать слуги и пожалеть Золушку. Или позлорадствовать ее горю...

И все-таки сейчас она ждала принца и хотела, чтобы он

навестил ее. Потому что дела Золушки были плохи. Потому что она была в опасности. Потому что только эта ночь с нелюбимым, противным, можно сказать, ненавистным принцем могла спасти ее репутацию, а то и жизнь.

А принц все не шел.

Золушка нервно стиснула край простыни. Она была из тонко выделанного, шелковистого льна. Ей нравились такие простыни. И вдруг Золушка по странной причуде памяти вспомнила, какие ужасные простыни были на ее брачном ложе...

Боже ты мой, да ведь она уже семь лет замужем за принцем! И такое ощущение, что все эти семь лет прошли на этих толстых, жарких, колючих простынях. Они совершенно не подходили к той теплой летней ночи, наступившей вслед за днем ее свадьбы. Золушка вся извертелась на этих простынях в ожидании принца, с которым она нынче обвенчалась. Ей было неудобно, ей было страшно. А принц все не шел да не шел.

Золушка не знала, что ей делать, как вести себя в брачную ночь. Встать? Остаться в постели? Ее никто не просветил на сей счет, даже матушка, которая казалась чем-то недовольной. Впрочем, она была недовольна всегда, если предпочтительное внимание оказывали Золушке, а не ей. А поскольку здесь, при петербургском императорском дворе, главной персоной была все-таки Золушка, а отнюдь не ма-

тушка (какое безобразие, вы только подумайте!!!), то матушка была недовольна постоянно. Вот и сейчас – простилась с Золушкой как с чужой, глубоким реверансом, и ушла вместе с придворными дамами.

Вдруг раздался стук в дверь. Золушка испуганно приподнялась, попыталась изобразить счастливую улыбку, но это был не принц, а ее новая камер-фрейлина по фамилии Крузе. Она очень весело объявила, что принц скоро придет. Вот только дождется, когда ему подадут ужин.

Золушка почувствовала, что тоже очень хочет есть. За весь день она и крошки проглотить не могла, пила только воду – и от волнения, и потому, что неловко ощущала себя в страшно тяжелом платье из глазета, расшитого серебром. Платье стояло колом, мешало двигаться и немилосердно щипало кожу даже сквозь корсет. А как мучил Золушку надевший на нее венец! Голова болела так, что пришлось упротить императрицу позволить снять его. Конечно, ей было не до еды. Но почему никто не подумал подать ей поесть потом?

Она хотела попросить камер-фрейлину принести хоть что-нибудь, хоть куриную ножку или кусочек сыру, однако промолчала: ничего она не дождется от Крузе, та и шагу не сделает без позволения императрицы. А императрица уже спит. Все нормальные люди давно спят! Ведь у них же не брачная ночь. Счастливые...

За стенкой послышались шаги, и камер-фрейлина испуганно выскочила в другую дверь.

Вошел принц. Он снял шлафрок и остался в длинной ночной рубаше. Осторожно прилег рядом с Золушкой и чинно вытянул руки поверх атласного, подбитого пухом одеяла.

Невзначай коснулся ногой ее ноги и сердито сказал:

– Какие холодные у вас ступни, сударыня!

Золушка торопливо поджала колени и спрятала под себя ладони, потому что у нее и руки заледенели от волнения.

Принц покосился на распущенные волосы Золушки, на ее грудь, которая быстро поднималась и опускалась, и хмыкнул:

– Ах, кабы здесь вдруг оказался ваш сынок! Каково было бы ему увидеть нас вдвоем в постели?

Золушка повернулась к нему недоуменно: какой еще сынок, да нет у нее никакого сынка, у шестнадцатилетней-то девушки! И тотчас она жарко покраснела, поняв, кого имеет в виду принц. Сынком она шутливо называла камер-лакея принца, молодого красавца по имени Андрей Чернышев. А он называл ее матушкой, как и положено было по ее статусу. Принц всегда очень смеялся над этим. Он любил этого камер-лакея за его веселый нрав и удивительную красоту. Но с чего вдруг заговорил о нем сейчас? Разве это прилично? Между мужем и женой третий лишний, тем паче в первую брачную ночь...

Увидев, что Золушка смутилась, принц довольно захихикал. А потом вдруг широко зевнул и сказал:

– Ну, я спать теперь буду. Спите и вы!

Повернулся на другой бок и немедленно заснул, так и не

коснувшись молодой жены. А Золушка не знала, смеяться ей или плакать.

Вот так брачная ночь!

Ей вспомнилось, как совсем недавно она и ее фрейлины спорили о различии полов. Самой Золушке было шестнадцать лет, фрейлины недалеко от нее ушли по возрасту и опыту, поэтому ничего толкового никто не выпорил. Золушка решила на другой день узнать у матери, в чем же это самое различие состоит. Вспыльчивая матушка немедленно изругала ее на чем свет стоит за этот вопрос, но под конец пробормотала что-то вроде: «Вот как повенчаетесь с принцем, так узнаете все у него!»

Ничего себе, узнала!

Золушка невесело усмехнулась. Похоже, она недалеко ушла в своем знании жизни от той смешной десятилетней девчонки, какой она впервые увидела принца. Это случилось... где же это случилось? Ну конечно, в Эйтингге, резиденции епископа Любекского, правителя Голштинии. Епископ привез из Киля своего питомца, герцога Карла-Петра-Ульриха, которому тогда было одиннадцать лет. Он показался ей каким-то тщедушным, а самое главное, пристрастным к спиртному. Впрочем, Золушка (кстати сказать, в те далекие деньки ее обычно называли Фике – уменьшительным именем от София-Фредерика-Августа) тогда мало обратила внимания на принца, ее гораздо больше привлекали сласти и фрукты, которые подали на десерт.

Конечно, она и представить себе не могла, что когда-нибудь станет его невестой, а потом и женой! Прежде всего потому, что твердо усвоила: она некрасива. Мать и отец, которые весьма заботились о ее добродетели, не уставали твердить ей это, поэтому Фике гораздо больше времени отдавала учебе, чем заботам о своей наружности. Сказать по правде, до тех пор, пока она не переехала в Петербург, город своего принца, она знать не знала о каких-то женских уловках вроде кокетства – слышала такое слово, ну и все, – и не подозревала, что способна нравиться красивым мужчинам.

А еще потому она не могла даже мечтать сделаться женой принца, что и в самом деле была Золушкой – единственной дочкой незначительного германского князька – Христиана-Августа Ангальт-Цербстского и его жены Иоганны-Елизаветы, урожденной Голштин-Готторнской. Золушка привыкла играть на улице с детьми горожан: сначала они с родителями жили в обыкновенном городском доме и только потом переехали в Штеттин, в некое подобие замка, лишнего даже намек на роскошь. Золушка рано поняла, что в ее отечестве, в Германии, титул ее отца ровно ничего не значит: таких мелких господ здесь было множество, вся страна была расчленена вдоль и поперек на игрушечные княжества, так что с крыльца одного замка можно было запросто увидеть башни другого. Отец вообще должен был сам зарабатывать свой хлеб и поступил служить в прусскую армию. Ее матушка всегда считала, что судьба ей недодала того, что она за-

служивала, а потому тратила массу времени и измышляла множество интриг, чтобы убедить окружающих в собственной незаурядности.

А принц – о, принц! Он был не кто-нибудь, а внук великого русского царя Петра. Мать принца, Анна Петровна, была замужем за герцогом Карлом Голштинским.

Внук русского царя... это звучало ошеломляюще, загадочно. Впрочем... впрочем, Фике откуда-то знала, что и в ее происхождении есть нечто загадочное. Например, она отлично помнила, как ее возили в Брауншвейг и показали королю Фридриху-Вильгельму. Золушку-Фике ввели в комнату, где находился король; сделав ему реверанс, Золушка пошла прямо к матери и спросила:

– Почему у короля такой короткий камзол? Он ведь достаточно богат, чтобы иметь подлиннее!

Хоть король и смеялся над милой детской наивностью, но ему не понравились ни эти слова, ни сама маленькая девочка. А ведь он смотрел на нее очень внимательно. Потом, через много лет, Фике поняла почему. Ходили слухи, что настоящим отцом ее был вовсе не скромный Христиан-Август, а королевский сын, принц Фридрих, впоследствии известный как Фридрих Великий... Правда это или нет, знала одна только матушка Фике, однако Иоганна-Елизавета, как уже упомянуто, была великой интриганкой. Совершенно невозможно было понять, когда она врет, а когда говорит правду. «Нет, нет, что вы, я честная женщина, отец моей доче-

ри – мой супруг, Христиан-Август! Но может быть, это Фридрих, а может, и кто-то другой...» Например, один из чиновников русского посольства в Париже, незаконный сын высокопоставленной особы, Иван Бецкой, с которым была коротко знакома искательница приключений Иоганна-Елизавета, некогда оказавшаяся во французской столице...

Золушка росла в германском захолустье, со всеми своими родственницами, этими унылыми, благовоспитанными кузинами и сумасшедшими тетушками, у которых всей радости в жизни были только их певчие птички, рассаженные по клеткам (как-то раз Золушка пожалела птиц и выпустила их на волю, так что тетушку едва удар не хватил!), с горожанками, которые с важным видом приходили в замок в гости, а матушка заставляла Фике в знак уважения целовать подола их платьев... Однажды – она была еще совсем малышкой! – какой-то заезжий каноник, занимавшийся предсказаниями, изрек, что видит на ее ладони рисунок аж трех корон...

Может быть, это была шутка. Даже наверное шутка. Но какова она была!

Шло время. Императрицей в России сделалась Елизавета Петровна, родная сестра матери принца – стало быть, его тетка. У Елизаветы не было детей, да и замужем она не была. И она не нашла ничего лучшего, как сделать щедедушного Петра-Ульриха своим наследником!

Штеттин наполнился таинственными шепотками и намеками. Ведь матушка Золушки находилась в отличных отно-

шениях с нынешней русской императрицей. Елизавета Петровна некогда, давным-давно, была невестой ее брата, герцога Карла-Августа Голштинского. Незадолго до свадьбы герцог внезапно умер, но трогательные воспоминания о нем Елизавета сохранила на всю жизнь. И когда Иоганна поздравила ее со вступлением на престол, императрица ответила ей весьма живо и нежно. Более того! Она попросила прислать портреты Иоганны и ее дочери!

Зачем?..

Эта весть произвела такое впечатление в Германии, что отцу Золушки Христиану-Августу было присвоено звание фельдмаршала. Как бы на всякий случай. Портреты, написанные придворным художником, отослали. А в ответ из России было прислано великолепное изображение императрицы, осыпанное еще более великолепными брильянтами. Штеттин и Берлин снова начали шушукаться, высказывая на сей счет самые смелые предположения.

И они оправдались! Елизавета написала своей несостоявшейся родственнице Иоганне Ангальт-Цербстской письмо с просьбой незамедлительно прибыть в Россию. И не одной – а с дочерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.